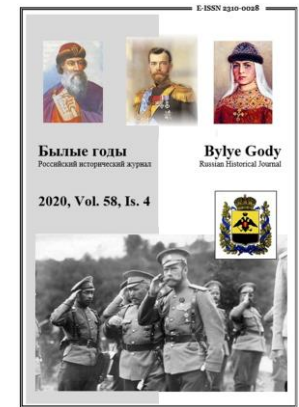

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2272-2279. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2272
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Northern Frontier of Russia and Norway in the 13th–17th centuries

Konstantin S. Zaikov ^{a, *}, Nikita M. Kuprikov ^b, Mikhail Yu. Kuprikov ^b

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an overview of the historiographic discussion and the subsequent reconstruction of the Russian and Norwegian political borders formation in the Far North in the 13th–17th centuries. Analyzing the system of contractual relations between early state formations in the Far North of Europe, the authors have come to the conclusion that from the 13th to the 16th centuries the “common tax districts” were legally a condominium – joint ownership of Novgorod/Moscow State, Sweden and Norway. But in political terms they were a territory without clear borders of separate, spatial dimensions of power, including the borders of power competence, that is, a frontier. The gradual consolidation and centralization of state power in Norway–Denmark, Sweden and the Moscow state predetermined the subsequent reduction in the size of “common districts” and the number of state actors claiming them during the 16th–17th centuries. Thus, by the 18th century, in the Far North, a geographically narrowed buffer zone was formed. It was a territory where different ethnocultural and political state formations collided and interpenetrated. Russia was a huge dynastic empire with an absolute monarchy and an active expansive foreign policy. Norway was a territory dependent on the metropolis (Denmark) without its own independent administration and political institutions.

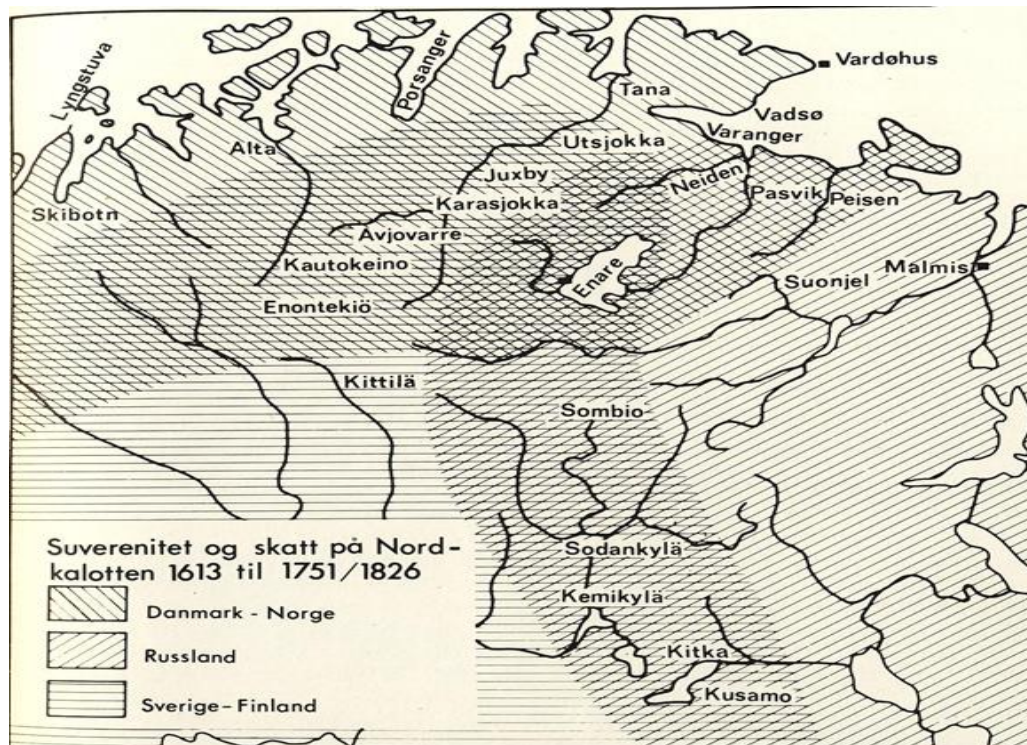
Keywords: northern frontier, Russian-Norwegian relations, border, borderland, common districts, pogost.

1. Введение

Облик современных территорий России и Норвегии на Крайнем Севере стал складываться в XIII в. Его формирование связано с постепенным проникновением государственной власти Королевств Норвегии, Швеции и Великого Новгорода на Крайний Север (Федоров, 2009: 57-58; Johnsen, 1923: 7-23; Нильсен, Зайков, 2012: 5). Эти районы включали географическое пространство, на котором расположены объединенная губерния Тромс и Финнмарк (Норвегия), губерния Норрботен (Швеция), губерния Лапланд (Финляндия) и Мурманская область (Россия). Общее пространство данных территорий составляет более 390 761 квадратного километра.

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov), nkuprikov@mai.ru (N.M. Kuprikov), kuprikov@mai.ru (M.Yu. Kuprikov)

Рис. 1. Штриховкой на карте показаны зоны суверенитета и фискальной юрисдикции Дании–Норвегии, России и Швеции–Финляндии (Нильсен, Зайков, 2012: 5).

Присутствие власти на данной территории первоначально заключалось в распространении данничества и торговой юрисдикции Норвегии, Швеции и Новгорода над саамским населением и районами их проживания в Фенноскандинавии и на Кольском полуострове (Hansen, 1996: 31-95). Огромное пространство податной территории, периферийное расположение региона по отношению к центрам государственной власти препятствовали организации интенсивной колонизации региона, а низкая плотность населения и кочевой образ жизни коренных жителей (саамов) усложняли организацию контроля над населением и проведение четких границ между соседствующими государствами. Все вышеперечисленные факторы и проблемы долгое время способствовали сохранению экстенсивной, раннефеодальной формы территориальности на Крайнем Севере (Hansen, 1996: 31-95; Федоров, 2009: 59-60; Pipes, 1974: 28-32). Государство распространяло на коренное население только торгово-фискальную юрисдикцию и не вмешивалось в процесс колонизации региона или формирования четких государственных границ. Политический контроль ограничивался тем, что саамы формально признавали права данщиков одной или нескольких держав на сбор налогов и торговлю в обмен на создание и защиту торговых путей (Hansen, Schmidt, 1985).

В целях достижения консенсуса в вопросе о сборе дани конкурирующие государства заключали соглашения об условном разграничении фискальных зон. Одним из ранних свидетельств этого был договор между Норвежским Королевством и Великим Новгородом, засвидетельствованный в так называемой Рунной (разграничительной) грамоте, которая датируется советским исследователем И.П. Шаскольским 1251 годом и норвежским историком П. Мунком 1326 годом (Шаскольский, 1945: 38-61; Johnsen, 1923: 24-26). Согласно этому договору, все территориальное пространство, находящееся между Люнгстунем на западе современной Норвегии и р. Вялы (Виелайоки) на южном берегу Кольского п-ова в Кандалакшском заливе Белого моря, было общим податным (налоговым) округом договаривающихся сторон, а его границы обозначали внешние пределы перекрестного владения (Линд). Идентичный Ореховский договор между Новгородом и Швецией, подписанный в 1323 г., закрепил такой же общий округ между Швецией и Новгородом (Liikanen, 2011: 191-192).

Данная система договоров касалась только разграничения зон фискальной юрисдикции раннегосударственных образований, однако в отечественной историографии продолжается дискуссия о влиянии данной системы договоров на формирование физико-политических границ на Крайнем Севере. Цель статьи – проанализировать позиции исследователей в вопросе формирования северо-западного рубежа России в Арктике и на основе имеющихся открытых источников представить реконструкцию процесса формирования пространственных границ России и Норвегии на Крайнем Севере.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе историографического анализа и изучения источников, представленных в работах российских и скандинавских ученых. Среди используемых

опубликованных материалов необходимо выделить протоколы пограничной экзаменационной комиссии майора П. Шнитлера 1745–1750 гг., содержащие обширный материал, описывающий приграничные отношения на севере в хронологических рамках XIII–XVII вв. Из архивных источников отдельного внимания заслуживает впервые введенный в научный оборот комплекс документов отчетов комиссии профессора Эриксона 1772 г. из Государственного архива г. Осло. В отчетах содержится материал датского королевского архива, описывающий историю разграничения на севере в хронологических рамках XVI–XVIII вв.

Помимо основных аналитических методов (анализ, синтез, сравнение), автор использует набор специфических методов, обусловленных многомерностью изучаемого феномена. Так, ретродуктивный метод, построенный на критике и сопоставлении теорий и моделей, был основой для анализа историографии. Абдуктивный метод, включающий в себя пошаговое, логическое сопоставление исследовательских концепций/гипотез с включенными в анализ документами и последующую модификацию первых в зависимости от документов стал основой для отбора и анализа источников, касающихся реконструкции пространственных измерений пограничья.

3. Обсуждение

Норвежский историк О.А. Йонсен, обозначив договор 1326 г. отправной датой для складывания межтерриториальных отношений на Севере, подчеркивал, что вместо политических границ этот договор определил лишь рубежи зон общей фискальной юрисдикции своеобразного общего перекрестного владения Норвегии, Швеции и России. В дальнейшем постепенное проникновение государственной власти путем христианизации населения и колонизации территорий способствовало формированию политических рубежей и сокращению перекрестных зон с XVI по XVIII вв. (Johnsen, 1923).

Каков же был правовой и политический статус перекрестного владения? Исследователи В.В. Похлебкин, Е.В. Сыченкова определяли статус перекрестных зон как кондоминиум, то есть совместное владение Норвегии и России (Похлебкин, 1995: 291; Сыченкова, 1999: 52). П.В. Федоров настаивает, что в политическом и правовом смысле это образование правильнее называть фронтиром, потому что описанная в исторических документах характеристика перекрестного владения противоречит характеристикам определения кондоминиума. Тем не менее сам исследователь это определение использует в его современной интерпретации, данной в работе политолога, правоведа С.Н. Бабурина. Согласно выдвинутой правоведом формулировке, помимо совместного владения, кондоминиум должен обязательно включать и совместное управление территориями (Бабурин, 2010: 294). Вследствие чего П.В. Федоров полагает, что существовавшая тогда постоянная конкуренция между странами за сбор дани свидетельствует об отсутствии совместного управления территориями Новгородом и Норвегией, а значит, перекрестные зоны были фронтирной территорией (Федоров 2009: 61).

4. Результаты

Следует отметить, что в северных странах раннефеодальной эпохи владение территорией подразумевало в первую очередь право сбора дани, которое периодически сочеталось с княжеским судом. В более позднее время, по-видимому, эта норма еще сохранялась у военно-торговых сообществ, к которым относились Великий Новгород и Королевства Норвегии и Швеции (Pipes, 1974: 30-31; Hansen, Schmidt, 1985). Прямым доказательством этой практики были названные выше договора, закреплявшие право перекрестного данничества (1251, 1332 и 1326 гг.). Вооруженные конфликты между сторонами, сопровождавшиеся временным вытеснением друг друга с отдельных участков общего округа в XIV–XV вв., скорее были обыденным проявлением конкуренции сторон и постепенно переросли в односторонние попытки политической власти всех трех стран избавиться от более архаичной формы владения. Политические лидеры с большей долей вероятности признавали факт совместного владения территорией, но со временем стали считать его все более обременительным (Hansen, 2011: 363). Поэтому мы считаем, что вывод о фронтирном правовом статусе территорий, основанный на факте отсутствия совместного администрирования территорией, не вполне справедлив, так как базируется на экстраполяции более поздней интерпретации понятия на формы владения, характерные для средневековой эпохи.

Мы полагаем, что с XIII до XVI вв. «общие налоговые округа» с правовой точки зрения представляли собой кондоминиум, т.е. совместное владение Новгорода/Московского государства, Швеции и Норвегии, но в политическом плане они были территорией без четких границ отдельных пространственных измерений власти, в том числе границ властной компетенции¹. Это позволяет нам определить политический статус «общих округов» как фронтирный. Аномальное сочетание двух форм территориальности – фискально-торгового кондоминиума/фронтира – объясняется тем, что на более примитивные юридические нормы, не предусматривающие прав (колонизации, введения суда, использования недр, функций полицейского надзора), постепенно налагались новые практики,

¹ Авторы имеют в виду отсутствие правил, регулирующих торговлю и колонизацию общей территории, распространение религиозных культов на территории и т.д.

которые формировали политическое, экономическое и этнокультурное пространства государств и представляли собой фронтирную зону. В течение Позднего Средневековья политическая власть и ее функции постоянно модифицировались, поэтому Норвегия, Швеция и Россия пытались поскорее заполнить пустоты в пространственных измерениях общего владения. Статус общего владения территорий их уже не устраивал, что сопровождалось острой борьбой на протяжении нескольких столетий за разграничение. Наблюдаемые в XIV–XVI вв. постепенные консолидация и централизация государственной власти в Норвегии–Дании, Швеции и Московском государстве предопределили последующее расширение политико-административных границ государств, заполнявших пространственные вакуумы (Hansen, 2011: 365-367; Федоров, 2009: 61-74; Ушаков, 1972: 28-57, 85-89; Johnsen, 1923: 34-78). Рост административного и хозяйственного давления с трех направлений повлек сужение и фрагментацию зон общих владений на отдельные районы: норвежско-шведские, норвежско-русские и шведско-русские.

В конце XIII – начале XIV вв. норвежские и шведские власти приступили к христианизации саамского населения. Происходило формирование гибких границ, то есть культурно-символического пространства государств. Это сопровождалось строительством военно-административных форпостов, что делало образные, «гибкие границы» еще более осязаемыми. Так, в 1302 г. на острове близ побережья Северного Варангера Норвегией была построена церковь, потом около 1330-го года – крепость Вардё. Она стала главным барьером Норвегии для русских фискальных органов, а также средством консолидации власти и контроля над податным населением Финнмарка (Bratrein, 2008: 27-33; Johnsen, 1923: 22-23). Идентичные процессы заполнения пространственных вакуумов власти, формирование гибких границ России начались на Крайнем Севере чуть позже – с XVI в. Связано это было с христианизацией кольских саамов, которая сопровождалась активной монастырской колонизацией Кольского полуострова. Печенгский монастырь, построенный в устье р. Печенги в 1556 г., стал культурным и административным форпостом России на западном Мурмане. Чуть позднее для усиления военно-административного контроля в 1583 г. на базе поморского поселения в Кольской губе был основан острог, который должен был способствовать консолидации северной окраины в руках московского царя (Ушаков, 1972: 48-56, 70-77).

Появление гибких границ и военных форпостов сопровождалось активными военными конфликтами, направленными на монополизирование территориальной юрисдикции над некогда общим владением либо на остановку территориальной экспансии страны конкурента. Размер общих владений и количество претендующих на них государственных акторов интенсивно сокращались на протяжении XVI–XVII вв.

В 1589–1591 гг. совместным рейдом шведско-финского отряда, организованного по инициативе короля Юхана III, было разорено большинство поселений на Кольском полуострове, в том числе уничтожены важнейшие административные и экономические центры, такие как Печенгский монастырь и Кандалакша. Это существенно ослабило экономическое и политическое влияние Русского государства в Варангер фиорде, а также предотвратило, гипотетически, дальнейшее расширение России в северо-западном направлении (Johnsen, 1923: 54-55; Гебель, 1905: 78-80). Итогом продолжительной и кровопролитной русско-шведской войны (1590–1595) был Тязвинский мирный договор (1595 г.), который окончательно разделил общий шведско-русский округ. На севере политическая граница стала проходить от озера Энаре и далее вдоль западной границы саами Нявдемского погоста до побережья Варангерского залива, предположительно до м. Верес-Наволоок (Похлебкин, 1995: 672; Treaty of Peace...).

Победа Швеции была временным явлением, после неудачной Кальмарской войны 1611–1613 гг. она уже не могла реально претендовать на Норвежский Финнмарк, однако граница между Швецией и Данией–Норвегией в этом регионе была проведена лишь в 1751 году (Johnsen, 1923: 129-133).

К началу XVII в. российско-норвежский политический фронтир имел физико-географические границы от северо-восточного побережья провинции Тромс до района о. Энаре на юге и до района устья р. Поной на восточном побережье Кольского полуострова в горле Белого моря. Однако де-факто размеры его уже были не те, что указывались в договоре 1326 г., и с XIV в. площадь перекрестного владения также активно сокращалась.

Во второй половине XV в. Дания–Норвегия и Московское государство активно боролись за монопольное право сбора налогов с коренного населения Восточного Финнмарка и Западного Мурмана, совершая набеги на территории соседа. В 1569 г. в Дании–Норвегии вышел указ короля Фредерика II, запрещающий пропускать российских данщиков на территории Финнмарка, лежащие за крепостью Вардехус. Он же накладывал запрет на выплату дани саамами российской стороне. Эта практика прекратилась с подписанием Тязвинского договора, когда русские данщики перестали приезжать на земли западнее Нявдемского погоста (Johnsen, 1923: 87; Hansen, 2011: 359). Идентичные меры, направленные против норвежских данщиков, были приняты кольским воеводой в 1602 г. Однако на постоянной основе запрет стал действовать только с 1613 г., после чего норвежские данщики перестали получать дань с территорий Восточного Мурмана (Федоров, 2009: 76).

Усиление норвежского административного контроля над приграничным пространством, прилегающим к крепости Вардехус, привело к тому, что с начала XVII в. российские власти

отказались от претензий на сбор дани с территорий, лежащих западнее крепости. Де-юре они признали отсутствие русских территориальных претензий на земли, расположенные западнее р. Нявдемы. Тем более, что Тявзинский договор со Швецией снимал все русские территориальные претензии на земли западней Нявдемского погоста. В то же время Дания–Норвегия, которая не была связана Тявзинским договором, не отказывалась от дани с территорий, лежащих западнее Колы. С 1614 г. по указу короля Кристиана IV норвежский налоговый инспектор (фогд), проживающий в Вадсе, был обязан совершать ежегодные поездки в Кольский острог с протестом против русского запрета сбора дани с территорий саамов, лежащих восточнее Печенгского погоста (Johnsen, 1923: 194-195, 205-211). Хотя русские власти всегда отклоняли требования фогда, факт сохранения норвежских претензий на дань с территории восточнее Печенги и Колы позволял Норвегии формально сохранять территориальные претензии на часть Кольского полуострова. В XVII – нач. XIX вв. протестные поездки были основным инструментом юридического давления на Россию с целью двухстороннего разграничения северного фронта – общих владений.

В итоге российско-норвежский политический фронт де-факто и де-юре значительно сузился. К началу XVII в. он охватывал район всего лишь трех сийтов (погостов) саамов Южного Варангера. Исследователь В.В. Похлебкин утверждал, что статус этой территории был документально закреплён в Московском договоре 1684 г. «О прекращении возбуждения лапландского вопроса». По условиям договора Россия отказывалась признавать норвежские права на Кольский полуостров, но обе державы признали обоюдное право на сбор дани с трех «двоеданных округов». Этими округами стали три сийта православных саами (скольтов) – Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский. Они должны были выплачивать налоги обеим державам, но одновременно находиться под церковной и светской юрисдикцией Русского государства (Похлебкин, 1995: 291, 306). Отметим, что договор 1684 г. не упоминается ни в одном из документов дипломатической переписки Дании – России XVIII в. и ни одним из известных исследователей истории российско-норвежского пограничья¹. Сам же В.В. Похлебкин в своем сборнике документов не дает ссылки на источник воспроизводимого им договора (Похлебкин, 1995: 291, 306). Поэтому существование отдельного договора о трех общих округах мы ставим под сомнение. Тем не менее факт существования совместного владения на территории трех саамских сийтов очевиден. Под разными названиями он упоминается и в датско-норвежских, и в русских источниках XVII–XVIII вв. Согласно датским документам XVII–XVIII вв., эти три сийта были известны как «общие округа», а по российским документам XVII–XVIII вв. они именовались «двоеданными погостами» (Johnsen, 1923; Nissen, Kvamen, 1962; Hansen, Schmidt, 1985; ННА: 1772 – RA/EA-4036/F/Loo02; АВПРИ: Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701). Эти три общих округа были последним остатком некогда огромного кондоминиума/фронта, который сжался до размеров трех саамских погостов, расположенных на территории современного Южного Варангера.

Сжатие политического фронта России и Норвегии практически стало возможным по причине появления на территории «общего округа» новых пространственных измерений государства: экономического и этнокультурного. Особенно важным было последнее измерение, так как распространение протестантской/православной вариаций христианства, активное церковное строительство и постепенная колонизация отдельных участков, общего кондоминиума были факторами сокращения фронта и формирования устойчивых гибких границ. За колонистами и церковью шла военная/гражданская администрации центральной власти, гибкие границы становились более жесткими (Nielsen, Zaikov, 2012: 68-70). Некогда культурное инородное пространство саамов стало идентифицироваться норвежцами и русскими как часть своего этнокультурного пространства. Населенные пункты, объекты культа, собственная топонимика формировали единый этнокультурный ландшафт, который дополнялся постепенным вытеснением конкурирующей стороны и символической объективацией пограничного пространства.

5. Заключение

Таким образом, к XVIII в. между Россией и Норвегией сформировалась географически суженная буферная зона, территория, где сталкивались и взаимопроникали разные в этнокультурном и политическом смыслах государственные образования.

В 1660 г. с приходом абсолютизма в Данию сформировался унитарный принцип управления подчиненных территорий, поэтому статус Норвегии как особой политической общности существенно понизился. Период с 1660 по 1814 гг. именуется в норвежской историографии эпохой государств-близнецов. Это определение достаточно недвусмысленно указывает на отсутствие политической автономии Норвегии в период датского абсолютизма (Nakken, 2000). В начале XVIII в. Норвегия – это зависимая от метрополии (Дании) территория без собственных, независимых органов администрации и политических институтов. Россия начала XVIII в., наоборот, – огромная династическая империя с абсолютной монархией и активной экспансивной внешней политикой.

В политическом и экономическом плане Россия и Норвегия имели как схожие, так и существенно отличные черты. В XVIII в. обе страны вошли в период абсолютной монархии, эпоху,

¹ Исключая исследователей, которые ссылаются на сборник документов В.В. Похлебкина.

олицетворяющую большую централизацию власти, переход на рациональные методы контроля и управления территориями, т.е. активное использование статистики, картографии, научного знания для консолидации информации о ресурсах, населении и территории государства. Эта общая тенденция экспансии власти вглубь, внутрь государства, нежели вовне, как это было в средневековый период, на наш взгляд, была основной предпосылкой для развития идеи о разграничении северного фронта.

Не менее важную роль в постановке вопроса о делимитации фронта, как мы предполагаем, играла и асимметрия в развитии стран. В первую очередь это контраст в потенциале соседствующих стран: малой зависимой территории и огромной постоянно расширяющейся империи. Очевидно, что в экономическом и военном потенциале Дания–Норвегия существенно проигрывала России.

Асимметрия стран дополнялась существенным отличием в направлениях социокультурного развития соседей. Норвегия представляла западноевропейскую политическую и религиозную культуру, а Россия – евразийскую.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бабурин, 2010 – *Бабурин С.Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. Москва, 2010. 294 с.

Гебель, 1905 – *Гебель Г.Ф.* Наша северо-западная окраина – Лапландия // *Русское судоходство*. 1905. № 4 (276). С. 78-80.

Зайков, Нильсен, 2012 – *Зайков К.С., Нильсен Й.П.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // *Арктика и Север*. 2012. № 5. С. 5.

Линд – *Линд Дж.Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг.». Скандинавский информационный центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/articles/lind/delimit.html> (дата обращения: 19.05.2020).

ННА – Норвежский национальный архив.

Похлебкин, 1995 – *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Книга 1. Москва, 1995. 291 с.

Сыченкова, 1999 – *Сыченкова Е.В.* Европейский Север России: реалии и перспективы международного сотрудничества. Мурманск, 1999. 52 с.

Ушаков, 1972 – *Ушаков И.Ф.* Кольская Земля. Мурманск, 1972. С. 48-56, 70-77.

Федоров, 2009 – *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009. С. 57-58.

Шаскольский, 1945 – *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // *Исторические записки*. Т. 14. 1945. С. 38-61.

Bratrein, 2008 – *Bratrein H.D.* Finnmark før Vardøhus, Forpost mot Øst. Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008. Pp. 27-33.

Hansen, Schmidt, 1985 – *Hansen L.I., Schmidt T.* Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo 1985, vol. III: IX.

Hansen, 1996 – *Hansen L.I.* Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages. Ed. by M. Rindal. *KULTs Skriftserie*. 1996. No. 66. Pp. 31-95.

Hansen, 2011 – *Hansen L.I.* The Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times, Hybrid Spaces. Medieval Finnmark and the Archaeology of Multi-Room Houses. Ed. by B. Olsen, P. Urbanczyk, and C. Amundsen. Oslo, 2011. P. 363.

Johnsen, 1923 – *Johnsen O.A.* Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse, Kristiania, 1923. Pp. 7-23.

Liikanen, 2011 – *Liikanen I.* The origin of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing, Disputed Territories and Shared Pasts. Ed. by F. Tibor and F. Hadler. London, 2011. Pp. 191-192.

Nakken, 2000 – *Nakken A.* Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814. Oslo, 2000.

Nielsen, Zaikov, 2012 – *Nielsen J.P., Zaikov K.* Norway's Hard and Soft Borders towards Russia, Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands, Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster, 2012. Pp. 68-70.

Nissen, Kvamen, 1962 – *Nissen K., Kvamen I.* Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745, vol. I. Oslo, 1962.

Pipes, 1974 – *Pipes R.* Russia under the Old Regime. New-York, 1974. Pp. 28-32.

Treaty of Peace... – Treaty of Peace between Sweden and Russia. History of Finland. [Electronic resource]. URL: www.histdoc.net/history/teusina.html (date of access: 30.10.2012).

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Baburin, 2010** – *Baburin, S.N.* (2010). *Mir imperii: territoriya gosudarstva i mirovoi poryadok* [World of Empire: State Territory and World Order]. Moscow. 294 p. [in Russian]
- Bratrein, 2008** – *Bratrein, H.D.* (2008). *Finnmark før Vardøhus, Forpost mot Øst*. Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund. Pp. 27-33.
- Fedorov, 2009** – *Fedorov, P.V.* (2009). *Severnyi vektor v rossiiskoi istorii. Tsentri i Kol'skoe zapolyar'e v XVI – XX vv.* [Northern Vector in Russian History. Center and the Kola Arctic in the 16th – 20th Centuries]. Murmansk. Pp. 57-58. [in Russian]
- Gebel', 1905** – *Gebel', G.F.* (1905). *Nasha severo-zapadnaya okraina – Laplandiya* [Our Northwestern Outskirts is Lapland]. *Russkoe sudokhodstvo*. 4(276): 78-80. [in Russian]
- Hansen, 1996** – *Hansen, L.I.* (1996). *Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages*. Ed. by M. Rindal. *KULTs Skriftserie*. 66: 31-95.
- Hansen, 2011** – *Hansen, L.I.* (2011). *The Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times, Hybrid Spaces. Medieval Finnmark and the Archaeology of Multi-Room Houses*. Ed. by B. Olsen, P. Urbanczyk, and C. Amundsen. Oslo. P. 363.
- Hansen, Schmidt, 1985** – *Hansen, L.I., Schmidt, T.* (1985). *Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Oslo. Vol. III: IX.
- Johnsen, 1923** – *Johnsen, O.A.* (1923). *Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse, Kristiania*. Pp. 7-23.
- Liikanen, 2011** – *Liikanen, I.* (2011). *The origin of the Eastern Border as the Grand Controversy of Finnish National History Writing, Disputed Territories and Shared Pasts*. Ed. by F. Tibor and F. Hadler. London. Pp. 191-192.
- Lind** – *Lind, Dzh.Kh.* «Razgranichitel'naya gramota» i novgorodsko-norvezhskie dogovory 1251 i 1326 gg.». *Skandinavskii informatsionnyi tsentr* ["Letter of Delimitation" and the Novgorod-Norwegian Treaties of 1251 and 1326". *Scandinavian Information Center*]. [Electronic resource]. URL: <http://norse.ulver.com/articles/lind/delimit.html> (19.05.2020).
- Nakken, 2000** – *Nakken, A.* (2000). *Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814*. Oslo.
- Nielsen, Zaikov, 2012** – *Nielsen, J.P., Zaikov, K.* (2012). *Norway's Hard and Soft Borders towards Russia, Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands*. Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster. Pp. 68-70.
- Nissen, Kvamen, 1962** – *Nissen, K., Kvamen, I.* (1962). *Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745*. Vol. I. Oslo.
- NNA** – *Norvezhskii natsional'nyi arkhiv* [Norwegian national archive].
- Pipes, 1974** – *Pipes, R.* (1974). *Russia under the Old Regime*. New-York. Pp. 28-32.
- Pokhlebkina, 1995** – *Pokhlebkina, V.V.* (1995). *Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh. Kniga 1* [Foreign Policy of Rus, Russia and the USSR for 1000 Years in Names, Dates, Facts. Book 1]. Moscow. 291 p. [in Russian]
- Shaskol'skii, 1945** – *Shaskol'skii, I.P.* (1945). *Dogovory Novgoroda s Norvegiei* [Treaties of Novgorod and Norway]. *Istoricheskie zapiski*. 14: 38-61. [in Russian]
- Sychenkova, 1999** – *Sychenkova, E.V.* (1999). *Evropeiskii Sever Rossii: realii i perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [European North of Russia: Realities and Prospects of International Cooperation]. Murmansk. 52 p. [in Russian]
- Treaty of Peace...** – *Treaty of Peace between Sweden and Russia. History of Finland*. [Electronic resource]. URL: www.histdoc.net/history/teusina.html (30.10.2012).
- Ushakov, 1972** – *Ushakov, I.F.* (1972). *Kol'skaya Zemlya* [Kola Land]. Murmansk. Pp. 48-56, 70-77. [in Russian]
- Zaikov, Nil'sen, 2012** – *Zaikov, K.S., Nil'sen, I.P.* (2012). *Norvezhsko-rossiiskoe arkticheskoe pogranich'e: ot obshchikh okrugov k Pomorskoj zone* [Norwegian-Russian Arctic Frontier: from the Common Districts to the Pomor Region]. *Arktika i Sever*. 5: 5. [in Russian]

Северный фронт России и Норвегии XIII–XVII вв.

Константин Сергеевич Зайков ^{a,*}, Никита Михайлович Куприков ^b, Михаил Юрьевич Куприков ^b

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обзору историографической дискуссии и последующей реконструкции процесса формирования политических границ России и Норвегии на Крайнем Севере в хронологических рамках XIII–XVII вв. Анализируя систему договорных отношений между раннегосударственными образованиями на Крайнем Севере Европы, авторы приходят к выводу, что с XIII до XVI вв. «общие налоговые округа» с правовой точки зрения представляли собой кондоминиум, т.е. совместное владение Новгорода/Московского государства, Швеции и Норвегии, но в политическом плане они были территорией без четких границ отдельных пространственных измерений власти, в том числе границ властной компетенции, то есть фронтиром. Постепенная консолидация и централизация государственной власти в Норвегии–Дании, Швеции и Московском государстве предопределили последующее сокращение размера «общих округов» и количество претендующих на них государственных акторов на протяжении XVI–XVII вв. Таким образом, к XVIII в. на Крайнем Севере сформировалась географически суженная буферная зона, территория, где сталкивались и взаимопроникали разные в этнокультурном и политическом смысле государственные образования. Россия – огромная династическая империя с абсолютной монархией и активной экспансивной внешней политикой. Норвегия – зависимая от метрополии (Дании) территория без собственных, независимых органов администрации и политических институтов.

Ключевые слова: северный фронт, российско-норвежские отношения, граница, пограничье, общие округа, погосты.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), nkuprikov@mai.ru (Н.М. Куприков), kuprikov@mai.ru (М.Ю. Куприков)